

Источники

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2023, 2022, 2021, 2020 годы [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics. – Дата доступа: 18.11.2023.

2. Буланова, Л. И. Криминалистическое исследование оттисков печатей и штампов, изготовленных по новым технологиям : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. И. Буланова ; Московский ин-т МВД России. – М., 1998. – 17 с.

Bulanova, L. I. Forensic study of seal impressions and stamps made using new technologies : Author's abstract. dis. ... cand. legal sci. : 12.00.09 / L. I. Bulanova ; Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – M., 1998. – 17 p.

3. Волков, А. А. Диагностика в технико-криминалистическом исследовании реквизитов документов : автореф. дис. ... канд. Юрид. Наук : 12.00.09 / А. А. Волков ; Сарат. юрид. ин-т МВД России. – Саратов : б. и., 1999. – 23 с.

Volkov A. A. Diagnostics in the technical and forensic study of document details : author's abstract. dis. ... cand. legal sci. : 12.00.09 / A. A. Volkov ; Sarat. legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Saratov : w. p., 1999. – 23 p.

4. Волков, А. А. Диагностика в технико-криминалистическом исследовании реквизитов документов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Волков. – Саратов, 1999. – 186 л.

Volkov, A. A. Diagnostics in the technical and forensic study of document details : dis. ... cand. legal sciences : 12.00.09 / A. A. Volkov. – Saratov, 1999. – 186 sh.

5. Изготовление печатей и штампов врача [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stampi.by/izgotovlenie-pechatei-shtampov-dlya-vracha.php>. – Дата доступа: 18.11.2023.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023.

УДК 347.440.64

L. Kozyrevskaya
BSEU (Minsk)

PROBLEMS OF INVALIDITY OF AGREEMENTS ON THE EXERCISE OF THE RIGHTS OF A PARTICIPANT IN A LIMITED LIABILITY COMPANY AND JOINT-STOCK AGREEMENTS

The article is devoted to the specifics of the institution of invalidity of transactions in relation to agreements on the exercise of the rights of a participant in a limited liability company and joint stock agreements. The analysis made it possible to identify the problems of the theoretical and applied nature of this institute and outline ways to overcome them.

Keywords: corporate agreement; disputed transactions; void transactions; restitution; the right to manage a business company.

Л. А. Козыревская
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДОГОВОРОВ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ И АКЦИОНЕРНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Статья посвящена специфике института недействительности сделок применительно к договорам об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью и акционерных соглашений. Проведенный анализ позволил выделить проблемы теоретико-прикладного характера данного института и наметить пути их преодоления.

Ключевые слова: *корпоративный договор; ничтожная сделка; оспоримая сделка; реституция; право на управление хозяйственным обществом.*

Введение. Институт недействительности сделки является универсальным средством защиты прав и интересов участников частнопроводных отношений ввиду его универсальности, с одной стороны, и потенциальной возможности индивидуализации решений относительно конкретных ситуаций – с другой. Введение в правовое поле специфических договорных конструкций, опосредующих корпоративные взаимодействия, в частности акционерных соглашений и договора об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью, предполагает изучение возможностей использования для регулирования этих договоров традиционных гражданско-правовых институтов, в том числе института недействительности. Вместе с тем указанные соглашения рассматриваются в научных публикациях в аспекте их общей характеристики, выявлении их элементов и порядка заключения [1; 2]. Специально проблема недействительности акционерных соглашений и договоров об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью (далее – корпоративный договор) за редким исключением [3] в русскоязычной литературе не рассматривалась. В правоприменительной, прежде всего судебной, практике Республики Беларусь также данному аспекту корпоративных отношений внимания не уделялось. Однако российская судебная практика по разрешению требований о признании корпоративного договора недействительным демонстрирует, что, во-первых, такие иски являются, с одной стороны, действенным инструментом защиты прав участников корпоративных отношений и потенциальных инвесторов, а с другой – могут быть частными случаями злоупотребления правом. Все изложенное в совокупности и определяет необходимость и актуальность исследований заявленной темы.

Основная часть. Закрепление в законодательстве, регулирующем внутренние отношения в хозяйственных обществах, специальных договоров, опосредующих порядок реализации корпоративных прав и обязанностей, влечет определение специфики этих конструкций в системе договорного права Беларуси. Поскольку договор может рассматриваться как дву-/многосторонняя сделка, постольку он может иметь дефекты, влекущие специальные правовые последствия – его недействительность. Содержанием института недействительности сделки в соответствии с действующим законодательством охватываются основания

недействительности, установление вида недействительности, порядок признания факта недействительности, а также суть и порядок применения последствий недействительности.

Корпоративный договор, будучи гражданско-правовым договором, как и любая иная сделка может иметь дефекты, связанные с волеизъявлением его участников, формой, содержанием и сделкоспособностью субъектов. Соответственно, основания недействительности сделок, закрепленные в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК), как общее правило применимы и к названному соглашению. Однако наряду с общими в законодательстве выделяются и специальные основания недействительности корпоративного договора. В частности, в Законе Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХП прямо закреплен запрет устанавливать обязательства сторон данного договора голосовать согласно указаниям органов управления общества, в отношении которого заключен данный договор (ст. 901, ст. 1111). В случае включения в текст корпоративного договора положения, противоречащего указанному запрету, такую сделку можно рассматривать как несоответствующую требованиям законодательства (ст. 169 ГК), а значит, она является ничтожной. Однако при этом возникает ряд проблем. Во-первых, в силу исключения запрета заключать рассматриваемые соглашения всеми участниками общества, контрагентами по корпоративному договору могут быть члены совета директоров (наблюдательного совета), а также участник, осуществляющий функции единоличного исполнительного органа [4, с. 595]. Формально не будет противоречить законодательству обязательство согласовывать вариант голосования по отдельным вопросам с такими лицами, не как с органами управления, а как с равноправными участниками корпоративных отношений. Квалификация подобных сделок с позиций действительности или недействительности весьма затруднительна.

Институт недействительности сделок призван прежде всего защитить интересы участников гражданско-правовых отношений от действий, имеющих сходство с правомерными действиями (сделками), но совершаемых в том или ином объеме и форме в противоречии с нормами законодательства и угрожающих или в действительности причиняющих вред правам и охраняемым законом интересам этих лиц. В литературе совершенно справедливо указывалось, что, помимо легально используемых формальных критериев разграничения оспоримых и ничтожных сделок, последние можно разделять по уровню их вредоносности: если ущерб наносится публичным интересам, то такая сделка является ничтожной, соответственно, если страдают частные интересы участников сделки, то она – оспорима [5, с. 722]. Рассматривая с этих позиций корпоративный договор с дефектом в предмете относительно реализации управленческих полномочий органов управления, нужно оценить легальную цель установления указанного запрета.

Согласно ст. 49 ГК юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя обязанности через свои органы, т. е. воля организации во взаимодействии с третьими лицами выражается через действия органов управления. Поэтому, по общему правилу, права и интересы контрагентов корпорации не затрагиваются тем, насколько отвечает порядок формирования ее воли внутренним актам общества и особенностям организации членских отношений. Более того, законодатель сделки, совершенные органом управления юридического лица с выходом за пределы ограничений, установленных учредительным документом, относит к оспоримым и связывает возможность признания их недействительными с осведомленностью второй

стороны о наличие таких ограничений (ст. 175 ГК). Таким образом, недействительность сделки юридического лица, обусловленная корпоративными отношениями, является результатом нарушения принципа добросовестности контрагентом и может оцениваться как злоупотребление правом. При этом ущерб наносится не публичным интересам (вредоносное воздействие на публичные интересы может в данном случае характеризоваться только как косвенное, т. е. приводящее к общему ухудшению правовой среды), а правам участников объединения корпоративного типа и самому объединению. Возвращаясь к корпоративному договору, нужно отметить, что целью его заключения является упорядочение внутренних отношений в обществе, преодоление корпоративного конфликта и обеспечение устойчивости объединения как формы достижения общей цели, послужившей основанием его создания. Соответственно, включение любых условий относительно порядка участия в управлении данным юридическим лицом, в том числе и противоречащих законодательству, не может быть направлено против публичных интересов. Последнему тезису, на первый взгляд, противоречит ситуация, когда в обществе имеется доля участия государства. Но, во-первых, в таком обществе действует представитель государства, обладающий весьма широкими возможностями в защите прав государства (постановление Совета Министров Республики Беларусь «О представителях государства в органах управления хозяйственных обществ, акции (доли в уставных фондах) которых принадлежат Республике Беларусь либо административно-территориальным единицам») от 16 мая 2008 г. № 694. Во-вторых, и это неоднократно подчеркивалось в правовой науке, государство, хотя и сохраняет в гражданском обороте публично-властный характер, однако является носителем двух видов правосубъектности и должно «ограничивать в добровольном порядке свой суверенитет, обеспечивая равенство прочих участников гражданского оборота» [6, с. 62]. Иными словами, государство участвует в корпоративных отношениях как субъект гражданского, а не публичного права и его интересы, а значит, и права должны носить частноправовой характер.

Таким образом, корпоративный договор, которым решаются вопросы реализации права на участие в управлении: стороны договариваются голосовать определенным образом на общем собрании, согласовывать вариант голосования с другими участниками и т. п., на первый взгляд, нет оснований причислять к ничтожным сделкам.

Вместе с тем основания для признания корпоративного договора недействительным связаны именно с нарушениями императивных норм законодательства о хозяйственных обществах. Например, таким соглашением невозможно установить периодичность проведения общих собраний один раз в два года, поскольку это прямо противоречит нормам ст. 36 Закона о хозяйственных обществах. Неочевидно соотношение положений устава и корпоративного договора. С одной стороны, согласно ст. 63 закона «О хозяйственных обществах» устав классифицируется как локальный правовой акт, а значит, противоречие императивным положениям этого акта также может рассматриваться как противоречие законодательству и быть основанием для признания корпоративного договора недействительным. С другой стороны, при таком широком подходе заключение названного договора во многом теряет смысл. Корпоративный договор как раз и является средством изменения порядка реализации права на участие в управлении. А именно этот порядок во многом является предметом регулирования устава. В российской практике суды, разрешая вопрос о недействительности корпоративных соглашений не ограничиваются выявлением формально-логических противоречий в том или ином договоре

положениям устава, а выясняют направленность интересов сторон, добросовестность их действий. Например, суд отказал в признании акционерного соглашения недействительным по основаниям нарушения положений законодательства и устава, т. к. пришел к заключению, что интерес истца связан исключительно с освобождением его от уплаты неустойки, предусмотренной оспариваемым соглашением (постановление арбитражного суда Московского округа от 29 января 2015 г. № Ф05 16088/2014 по делу № А40 47005/14).

Ничтожные и оспоримые сделки в процессуальном аспекте отличаются личностью лица, уполномоченного заявлять требование о признании факта недействительности и применении последствий недействительности: в первом случае – это любое заинтересованное; во втором – стороны этой сделки или иные лица, прямо указанные в законодательстве (ст. 167 ГК). Мотивы такого законодательного решения очевидно вытекают из тезиса об уровне интересов, которым причиняется вред недействительной сделкой. Безусловно, общесоциальные интересы, выраженные в публичном порядке, касаются любого участника общественных отношений, вне зависимости от его участия в такой дефектной сделке и именно поэтому право заявлять соответствующее требование предоставлено любому заинтересованному лицу. Корпоративный договор управленческого типа, как уже было отмечено, не затрагивает права третьих лиц, а потенциально может быть направлен против отдельных участников общества или сложившейся системы корпоративного управления. Поэтому заинтересованными лицами в вопросе установления недействительности данной сделки будут выступать участники корпоративного объединения, вне зависимости от их участия в этом договоре, аффилированные лица, органы управления и, наконец, само юридическое лицо. Иными словами, с позиций логики процедурный аспект недействительности корпоративного договора скорее соответствует ничтожной сделке. В этой связи можно сослаться на материалы судебной практики Российской Федерации, ввиду того, что в рассматриваемой части положения белорусского и российского законодательства совпадают. Так, Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа, рассматривая кассационную жалобу по иску о признании недействительным акционерного соглашения, на довод ответчиков о ненадлежащем истце (иск подан лицом, не являющимся участником оспариваемого соглашения) указал, что, поскольку данное соглашение находится в противоречии с императивными нормами российского законодательства (закона «Об акционерных обществах»), то право на оспаривание сделки принадлежит любому заинтересованному лицу. Истцом – акционером общества, по мнению суда, был доказан факт нарушения указанным соглашением его прав (постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 марта 2006 г. № N Ф04-2109/2005(14105-A75-11) (15210-A75-11) (15015-A75-11)(14744-A75-11)(147 85-A75-11)).

Нужно также остановиться на последствиях признания корпоративного договора недействительным. В ст. 168 ГК установлено в качестве общего правила, что недействительная сделка не влечет никаких правовых последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью. В качестве таких последствий закон предполагает возвращение каждой из сторон всего полученного по сделке – двусторонняя реституция, возвращение только одной стороне соответствующего имущества (либо денежного возмещения) – односторонняя реституция. Очевидно, что эти положения не могут быть применены к договору, опосредующему порядок реализации управленческих полномочий, поскольку

последний не является меновым договором: стороны лишь обязуются действовать определенным образом или воздержаться от некоторых действий (реализации принадлежащих им прав на участие в управлении корпоративной организацией). Следовательно, исключить недействительный корпоративный договор как дефектный юридический факт из правового поля означает ликвидировать все его юридические последствия. Следствием заключения и исполнения корпоративного договора может быть определенным образом сформированный совет директоров (наблюдательный совет) или некоторое решение названного органа или общего собрания. Однако в соответствии с ч. 5 ст. 901 «О хозяйственных обществах» в императивной форме вводит запрет на признание недействительным решения органов управления общества вследствие нарушения рассматриваемого договора. Не совсем ясно, можно ли проводить аналогию между неисполнением и признанием недействительности корпоративного договора. Кроме того, согласно закону «О хозяйственных обществах» решение общего собрания может быть отменено судом в случае, если оно принято с нарушением норм законодательства или устава, т. е. для отмены решения этого органа, явившегося результатом признанного недействительным корпоративного договора, нет легальных оснований. С точки зрения юридической техники возникает странная ситуация – сохраняется новое юридическое состояние при отпадении юридического факта, положенного в основу изменения правоотношений. Таким образом, действие корпоративного договора может быть прекращено только на будущее время. При этом признание такой сделки недействительной не препятствует соблюдению отдельными участниками установленных договоренностей, например в части согласованного голосования фактически. Принимая во внимание, что в качестве последствий нарушения корпоративного соглашения законодатель предусматривает возможность взыскания убытков и применения иных обеспечительных мер, например неустойки, то целью признания рассматриваемого договора недействительным является возможность исключения именно этих последствий.

Легально закрепленный предмет корпоративного договора, помимо урегулирования порядка реализации права на управление, предполагает также урегулирование имущественных отношений: вопросы отчуждения (приобретения) акций (долей в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью). Такой договор с точки зрения последствий его недействительности будет подчиняться общим правилам о недействительности сделок. Например, отчуждение акций, принадлежащих малолетнему, его законным представителем по цене, согласованной в таком договоре без соблюдения установленных законных процедур, очевидно допускает реституцию.

Таким образом, анализ положений закона «О хозяйственных обществах» позволяет утверждать, что принципиальные различия в условиях, составляющих предмет корпоративных договоров, дают возможность предположить, что речь идет о двух различных по своей правовой природе соглашениях – договоре, опосредующем реализацию права на управление, и договоре, устанавливающим обязанности по заключению сделок (или их запрету) распорядительного характера в отношении акций (долей в уставном фонде). Соответственно, содержание института недействительности модифицируется применительно к данным разновидностям корпоративного договора.

Заключение. В силу специфики корпоративных отношений невозможно оценить юридически дефектный корпоративный договор в дихотомии оспоримой

и ничтожной сделки. Представляется, что в данной сфере отношений с практической точки зрения имеет смысл строить правовое регулирование с позиций применения правил об оспоримой сделке, установив при этом специальный круг лиц, обладающих правом заявлять требования о признании названного договора недействительным. Имеет смысл закрепить соответственно в ст. 90¹ и 111¹ ГК положения о том, что акционерное соглашение и договор об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью могут быть признаны недействительными в судебном порядке по требованию одного из участников общества, его органов управления, бенефициаров, аффилированных лиц и самого общества.

Общие правила института недействительности сделок относительно корпоративных договоров, направленных на согласование условий реализации права на участие в управлении обществом не могут применяться непосредственно и требуют либо судебного толкования, либо соответствующего нормативного уточнения. Следовало бы также законодательно уточнить перечень оснований недействительности рассматриваемых договоров, указав в качестве таковых противоречие императивным положениям законодательства, а также злоупотребление правом одной из сторон такого соглашения.

Источники

1. Шиткина, И. С. Корпоративный договор как правовой инструмент структурирования сделок в сфере предпринимательской деятельности / И. С. Шиткина // *Хозяйство и право*. – 2020. – № 3 – С. 12–27.

Shitkina, I. S. Corporate contract as a legal instrument for structuring transactions in the field of entrepreneurial activity / I. S. Shitkina // *Economy and Law*. – 2020. – № 3. – P. 12–27.

2. Жарикова, М. Н. Корпоративный договор: правовая характеристика форм и способов заключения / М. Н. Жарикова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право*. – 2021. – № 2. – С. 110–119.

Zharikova, M. N. Corporate contract: legal characteristics of forms and methods of conclusion / M. N. Zharikova // *Bull. of the Moscow University. Ser. 11. Law*. – 2021. – № 2. – P. 110–119.

3. Гребенюк, М. А. Недействительность корпоративного договора / М. А. Гребенюк // *Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы V Междунар. науч.-практ. конф.* – Т. 1, 2016. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – С. 194–196.

Grebenyuk, M. A. Invalidity of a corporate contract / M. A. Grebenyuk // *Problems of modern legislation of Russia and foreign countries : materials of the V International Scientific and Practical Conference*. – Vol. 1, 2016. – Irkutsk : Irkutsk Institute (branch) VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2016. – P. 194–196.

4. Козыревская, Л. А. Основания и последствия признания договоров, опосредующих управленческие отношения в корпоративных организациях, недействительными / Л. А. Козыревская // *Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та / [редкол.: А. В. Егоров (гл. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т*. – Вып. 14. – Минск : Колорград, 2023. – С. 592–598.

Kozyrevskaya, L. A. The grounds and consequences of recognizing contracts mediating managerial relations in corporate organizations as invalid /

L. A. Kozyrevskaya // Scientific works of the Belarusian State University of Economics. / [editorial board: A. V. Egorov (Chief Editor), etc.] ; Ministry of Education of the Republic of Belarus, Belarusian State University of Economics. Minsk : Colorgrad, 2023. – Iss. 14. – P. 592 – 598.

5. Давудов, Д. А. Ничтожная сделка: понятие и признаки / Д. А. Давудов, О. В. Лаврова // StudNet. – 2020. – № 9. – С. 718–728.

Davudov, D. A. An insignificant transaction: the concept and signs / D. A. Davudov, O. V. Lavrova // StudNet. – 2020. – № 9. – P. 718–728.

6. Голубцов, В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права / В. Г. Голубцов. – М. : Статут, 2019. – 272 с.

Golubtsov, V. G. The Russian Federation as a subject of civil law / V. G. Golubtsov. – M. : Statute, 2019. – 272 p.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023.

УДК 34.096

M. Kolasava
BSEU (Minsk)

LEGAL STATUS OF SUBJECTS OF PUBLIC PROCUREMENT OF GOODS (WORKS, SERVICES) IN THE PROTECTION OF RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

From the point of view of the state, public procurement is a tool for regulating the economy, while customers use this tool as a way to select the best offer from the maximum number of possible offers. For suppliers, public procurement is also important – it is an open, transparent way of competition and search for contractors. Subject composition is an important aspect of the whole procedure of public procurement, the legal status of subjects of public procurement, that is, the position in specific legal relations, is different, which is due to the presence of not only the same rights and obligations, but also different, inherent in an exclusive number of subjects, which is predetermined by the specificity of legal relations in this area. The article analyzes the subject composition of public procurement of goods (works, services), proposes the classification of such subjects, considers the legal status of subjects of public procurement in the protection of their rights and legitimate interests.

Keywords: *procurement; government procurement; legal status; subjects of legal relations; classification of subjects of public procurement; functional criterion; structural criterion; government procurement contract; form of protection; protection mechanism; method of protection.*

M. В. Колосова
БГЭУ (Минск)

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) ПРИ ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

С точки зрения государства, государственные закупки являются инструментом регулирования экономики, заказчики же используют данный инструмент в качестве способа